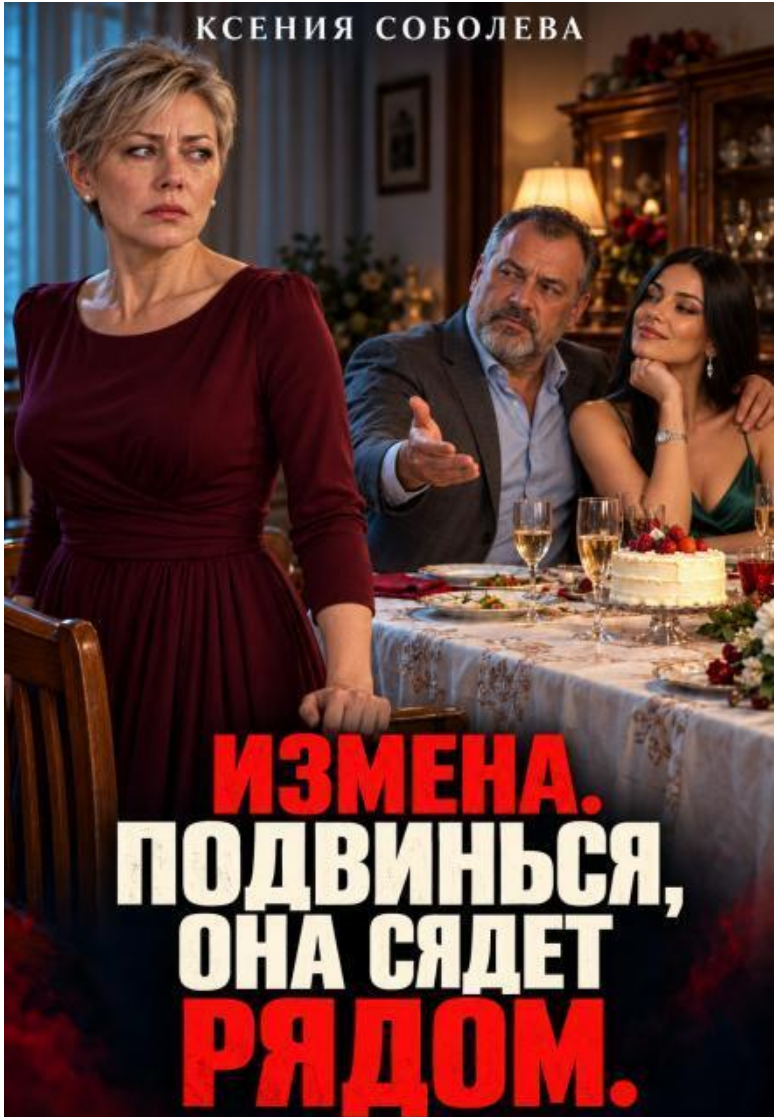
КСЕНИЯ СОБОЛЕВА

ИЗМЕНА. ПОДВИНЬСЯ, ОНА СЯДЕТ РЯДОМ.

Ксения Соболева

Измена. Подвинься, она сядет рядом.

https://litres.ru/74713687

Аннотация

Муж привёл вторую жену на нашу тридцатую годовщину и велел мне подвинуться. Пока я ездила за праздничным тортом, мои вещи перенесли в комнату для белья.

Мне пятьдесят четыре, ей — тридцать два. Их религиозный брак он скрывал несколько месяцев, а теперь уверен, что мы будем жить под одной крышей. Ей он обещал просторную спальню, обеспеченную жизнь и часть дома. От меня ждёт прежнего: работать, ухаживать за его матерью и понимать.

Я объявила, что подаю на развод. А муж потребовал половину дома, который достался мне от родителей: его молодой жене, видите ли, нужны гарантии.

Содержание

Глава 1. Подвинься, она сядет рядом 4
Глава 2. Принеси ей тарелку 24
Глава 3. Чемоданы в моей спальне 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Глава 1. Подвинься, она сядет рядом

Скатерть оказалась великовата для стола, и Людмила дважды обошла его, прежде чем сумела выровнять края. С одной стороны полотно почти касалось сиденья, с другой открывало потемневшую доску, которую отец когда-то прожёг горячей сковородой. В обычные дни на этом месте лежала плотная подставка, но сегодня Людмила убрала её вместе с клеёнкой и достала из нижнего ящика белую скатерть с вышитыми по углам листьями. Мать берегла её для семейных праздников. За четыре года, прошедшие после получения наследства, Людмила пользовалась ею всего несколько раз и теперь осторожно расправляла складки ладонями, радуясь, что ткань по-прежнему пахнет чистым бельём, а не закрытым шкафом.

На стол она поставила четыре тарелки. Константин обычно сидел в торце, возле буфета, она — слева от него, Настя напротив, а Петя устраивался с другой стороны, откуда ему было удобнее смотреть в сад. Людмила положила внуку маленькую вилку с широкими зубцами и задержалась возле собственного места. Стулья оказались слишком тесно придвинуты друг к другу. Она отодвинула свой на несколько сантиметров, чтобы муж мог свободно встать, затем попра-

вила салфетку у его прибора и отошла посмотреть, как всё получилось. До вечера оставалось достаточно времени, но ей уже хотелось зажечь лампу над столом и услышать, как Константин открывает входную дверь.

Собраться предложил он сам. Несколько дней назад, просматривая что-то в телефоне за завтраком, муж вдруг вспомнил, что в конце мая исполняется тридцать лет со дня их свадьбы. Людмила как раз убирала со стола и сперва решила, что он хочет перенести какую-нибудь встречу с заказчиками. Константин велел позвать Настю с Петей, приготовить нормальный ужин и освободить вечер от работы. Он даже поднял глаза от экрана, когда она переспросила, действительно ли он будет дома. В последнее время Людмиле редко удавалось получить от него определённый ответ, и потому его короткое обещание неожиданно обрадовало её.

С тех пор она старалась не спрашивать лишнего. Ей хотелось, чтобы он пришёл по собственному желанию, сел рядом и хотя бы один вечер разговаривал с ней так, как прежде. Последние месяцы Константин задерживался, выходил с телефоном на крыльцо, возвращался оттуда раздражённым и сразу начинал искать, к чему придраться. То в коридоре слишком долго стояла корзина с бельём, то кто-нибудь из гостей оставлял машину возле его места, то Людмила покупала ненужные, по его мнению, вещи. Он мог несколько минут объяснять, почему для кухни следовало выбрать другие полотенца, а потом забыть спросить, как прошёл её день. Люд-

мила слушала, поправляла то, что мешало ему, и убеждала себя, что муж устал.

Из гостевой части дома донёсся стук двери. Людмила подняла голову, прислушалась и пошла в коридор, придерживая ладонью край кардигана. Возле лестницы стояла женщина из третьей комнаты с детской курткой в руках; её семья собиралась на прогулку, и она хотела узнать, где начинается дорожка к берегу. Людмила объяснила, как пройти, предупредила о сырой земле возле воды и нашла в шкафчике небольшой зонт. Женщина поблагодарила её, спросила, во сколько можно вернуться к ужину, и Людмила назвала время, заранее договорённое с работницами. Сегодня гостей покормят без неё. Она всё предусмотрела ещё накануне и теперь проверяла каждую мелочь с непривычным волнением.

Родители оставили ей работающий гостевой дом: обжитые комнаты, кухню, старую мебель и людей, которые приезжали сюда из года в год. Людмила хорошо помнила, как мать записывала пожелания гостей в толстую тетрадь, а отец встречал машины у ворот и помогал выгружать сумки. После их смерти она продолжила привычное дело, постепенно разбираясь во всём, что прежде решали они. Константин тогда поддержал её. Сам предложил переехать из съёмной городской квартиры, оставил прежнюю работу и взял на себя закупки и разговоры с большими компаниями. Первое время Людмила часто благодарила его за это, потому что одна боялась не справиться.

Теперь она знала, какой гость попросит завтрак раньше остальных, где лежит запасной комплект для детской кровати и кому нужно позвонить, если закончится что-нибудь необходимое. Константин тоже работал, и его участие она ценила. Однако в разговорах со знакомыми он всё чаще называл дом своим, рассказывал, как наладил дело, и принимал похвалу, пока Людмила носила блюда или проверяла комнаты. Однажды она напомнила при нём, что родители принимали гостей задолго до их переезда. Муж после этого весь вечер молчал, а перед сном спросил, зачем ей понадобилось выставлять его бесполезным человеком. Людмила тогда долго объясняла, что хотела только вспомнить отца с матерью, и в конце концов сама попросила прощения за неловкость.

Телефон зазвонил, когда она доставала из духовки овощи. На экране высветилось имя Константина, и Людмила поспешно поставила противень, вытерла руки о полотенце и ответила. Муж хотел знать, во сколько она поедет за тортом. Она назвала время, добавила, что заказ давно готов, и спросила, заедет ли он домой раньше ужина. Ей было бы легче закончить приготовления, если бы кто-нибудь забрал коробку, но просить об этом прямо она почему-то постеснялась.

- Сам забери, пожалуйста, если будешь в городе, — всё же сказала Людмила, прижимая телефон плечом к уху и отодвигая горячий противень от края стола. Колено с утра ныло, а дорога и очередь в кондитерской займут ещё час с лиш-

ним. — Мне только салат закончить, и я бы спокойно переоделась. Ты ведь всё равно по делам ездишь.

- У меня другой маршрут, Люда, — ответил Константин, и в его голосе сразу появилась знакомая сухость. Она убрала руку с противня и встала ровнее, хотя муж этого увидеть не мог. — Ты уже заказала, вот и забери. Я постараюсь заехать домой ненадолго, потом ещё надо будет съездить кое-куда.

Людмила посмотрела на часы над дверью. У неё оставалось время, и ничего страшного в поездке не было; она сама сотни раз ездила по более мелким делам. Всё же ей стало досадно, что он даже сегодня разговаривал с ней так, будто она мешает. Она хотела напомнить про годовщину, но Константин заговорил раньше, спросив, позвонила ли она его матери. Людмила ответила, что разговаривала с Зинаидой Павловной утром, продукты привезла вчера, а завтра собирается уточнить, как та себя чувствует.

- Вот и хорошо, — сказал муж уже спокойнее. Людмила слышала, как у него щёлкнул поворотник, и представила его за рулём, с привычно опущенными уголками рта. — Она после болезни всё ещё нервничает. Ты же знаешь, ей требуется внимание. И Настю предупреди, чтобы не опаздывала, я хочу нормально со всеми поговорить.

- Я предупредила, — ответила Людмила и потянулась выключить духовку. Его последние слова вернули ей утреннюю надежду, поэтому она решилась спросить ещё раз. — Костя, мы ведь сегодня просто посидим? Без разговоров о работе.

Тридцать лет всё-таки, хочется побыть вместе.

- Посидим, — коротко сказал он, а затем добавил, что торопится. Людмила ещё держала телефон у уха, когда связь оборвалась. Она положила его рядом с полотенцем, убрала противень и несколько минут занималась салатом, возвращаясь мыслями к обещанному разговору. Может быть, Константин действительно хотел сказать что-то важное и потому весь день был таким напряжённым. Ей хотелось верить этому, и она позволила себе пока больше его не расспрашивать.

Наверху было тихо и прохладно. Людмила открыла шкаф, достала тёмно-синее платье и положила на кровать, разглаживая рукав. Платье она покупала на своё пятидесятилетие, ещё до переезда сюда, и Константин тогда сказал, что цвет ей идёт. С тех пор оно выходило из шкафа редко. В феврале, когда исполнилось пятьдесят четыре, Людмила собиралась надеть его снова, но в тот день пришлось везти свекровь на приём, а вечером муж вернулся поздно. Они выпили чай с принесёнными Настей пирожными, и Людмила осталась в домашних брюках и тёплом свитере.

Она проверила застёжку, нашла туфли на невысоком каблуке и отнесла всё вниз, в комнату возле кухни, где обычно гладила бельё. Там можно было спокойно подготовить одежду и потом быстро переодеться, закончив ужин. Пока нагревался утюг, Людмила достала из небольшого пакета фотографию в новой рамке. Старый свадебный снимок долго лежал среди документов, пока она не отдала его привести в поря-

док. Теперь на нём снова было видно лицо Константина, затёртое на сгибе, и мелкие цветы на её венке. Людмила поставила рамку возле стены, наклонилась ближе и невольно улыбнулась.

На фотографии ей было двадцать четыре, ему — двадцать семь. Он стоял чуть позади, обнимал её за талию и смотрел прямо в объектив, а она почему-то повернулась к нему. Людмила помнила, что фотограф всё просил её посмотреть на камеру, но Константин говорил что-то смешное, и она никак не могла перестать улыбаться. После регистрации они ехали в переполненной машине, её букет лежал у него на коленях, а он придерживал цветы ладонью, чтобы не помять. Вечером в съёмной комнате муж сам вытащил шпильки из её волос. Людмила тогда сидела на кровати и жаловалась, что голова болит, а он терпеливо складывал шпильки на подоконник и обещал, что через год у них будет всё по-другому.

Многое действительно изменилось. У них родилась Настя, были переезды, смены работы, месяцы, когда приходилось считать деньги до следующей зарплаты. Константин мог привезти ей горячий пирожок, если она задерживалась, забрать дочь из сада или среди ночи выйти в аптеку. Людмила помнила это достаточно хорошо, чтобы последние месяцы казались ей временными. Когда он становился особенно резким, она вспоминала его прежнюю заботу и старалась подождать. Сегодня ей хотелось снова увидеть в муже того человека, который складывал шпильки на подоконник, бережно

придерживая её волосы.

В кондитерскую она поехала после обеда. Перед выходом проверила кухню, попросила работниц закончить ужин для гостей и забрала с вешалки лёгкую куртку. В кармане нашёлся список покупок для Зинаиды Павловны; Людмила вытащила его, сложила пополам и оставила возле телефона. На сегодня всё было сделано. Сад уже густо зеленел, возле дорожки пахло нагретой землёй, и она медленно дошла до машины, стараясь не переносить весь вес на больную ногу. Впервые за несколько дней ей предстояло выехать из дома ради собственного праздника, и даже эта короткая поездка приносила удовольствие.

В городе пришлось немного подождать. Девушка за прилавком вынесла коробку, приоткрыла крышку и показала светлый торт с тонкой надписью «Тридцать лет вместе». Людмила заранее попросила обойтись без крупных украшений: Константин любил простой бисквит и всегда снимал с куска лишний крем. Она проверила надпись, поблагодарила девушку и придержала коробку обеими руками, пока та перевязывала её лентой. В соседней витрине лежали небольшие пирожные с ягодами. Людмила взяла ещё два для Пети, потому что он мог отказаться от праздничного торта, если увидит незнакомую начинку.

Когда она вернулась, машина Константина стояла возле крыльца. Людмила позвала его из прихожей, но ответа не получила. На нижней ступени лестницы лежал край мужской

ветровки; она подняла её и повесила на крючок, решив, что муж торопился. В кухне всё оставалось так, как она оставила, а наверху негромко скрипнула половица. Людмила поставила торт в холодильник и снова позвала Константина, собираясь попросить помочь с рамкой для фотографии. Он спустился через несколько минут, держа телефон и ключи.

- Ты уже опять уезжаешь? — спросила она, прикрывая дверцу холодильника. На нём были чистые брюки и светлая рубашка, которую он обычно надевал на встречи, и Людмила невольно посмотрела на его лицо внимательнее. — Я торт привезла. Настя скоро будет, ты хоть чаю выпей перед дорогой.

- Потом выпью, — ответил Константин, проверяя что-то на экране. Он остановился возле зеркала, поправил воротник и лишь после этого взглянул на жену. — Ты переодеться не забудь. И давай сегодня спокойно, хорошо? У меня и так день тяжёлый.

Людмила опустила глаза на свой кардиган, на фартук с маленьким пятном у кармана. Она собиралась переодеться и без напоминания, но теперь почувствовала себя так, будто снова что-то сделала неправильно. Константин подошёл, коротко коснулся её плеча и сказал, что вернётся к ужину. От этого прикосновения ей стало легче: в последнее время он редко касался её просто так. Она спросила, нравится ли ему скатерть, и муж, уже открывая дверь, бросил, что всё нормально. Людмила проводила его до крыльца и вернулась на

кухню, стараясь удержать хорошее настроение.

Платье село свободнее, чем она помнила. Людмила застегнула его, поправила волосы перед небольшим зеркалом и долго выбирала между серьгами, пока не оставила самые простые, с маленькими светлыми камнями. Ей хотелось выглядеть нарядно и привычно для мужа. На лице были заметны усталость и следы недавней бессонной ночи, но после того, как она подвела глаза и накрасила губы, собственное отражение перестало казаться чужим. Людмила сняла с руки резинку для волос, положила её рядом с утюгом и вышла проверить ужин.

Настя приехала с букетом и Петиным рюкзаком на плече. Мальчик выскочил из машины раньше матери, подбежал к Людмиле и обнял её за ноги так крепко, что она пошатнулась. Дочь поспешно придержала её за локоть, напомнила сыну про бабушкино колено и тут же улыбнулась, разглядывая платье. Людмила обняла Настю, прижалась щекой к её волосам и почувствовала знакомый запах шампуня. Дочь бывала здесь часто, однако сегодня пришла с цветами, по-праздничному, и от этого приготовленный стол наконец обрёл смысл.

- Мам, какая ты красивая, — сказала Настя, передавая ей букет и освобождая плечо от рюкзака. Она посмотрела на накрытый стол, на салфетки и свечи, которые Людмила пока оставила у окна. — Хорошо, что папа предложил собраться. Мы с Петей тебе кое-что сделали, но он всю дорогу грозился

рассказать раньше времени.

Петя немедленно полез в рюкзак и вытащил сложенный лист. На нём были нарисованы четыре человека возле большого дома, а над крышей висело красное сердце. Людмила присела на стул, чтобы рассмотреть подарок, и мальчик стал объяснять, кто где стоит. Бабушка на рисунке держала тарелку, дедушка — огромный ключ, Настя была в жёлтом платье, а у самого Пети художник тщательно изобразил новые кроссовки. Людмила провела пальцем по краю листа, похвалила дом и спросила, почему ей досталась такая большая тарелка. Внук удивился вопросу и ответил, что она всех кормит, после чего полез доставать второй рисунок.

- Сначала цветы поставим, — вмешалась Настя, погладив сына по голове. Она отнесла букет к раковине и стала искать вазу, а Людмила осталась рядом с Петей, слушая его объяснения. — Ты сегодня много готовила? Сказала бы мне, я могла раньше приехать и помочь.

- Всё уже готово, — ответила Людмила, складывая рисунок так, чтобы не помять уголки. Она посмотрела на дочь и понизила голос, пока Петя рассматривал стоявшую возле стены фотографию. — Мне хотелось самой. Папа ведь давно ничего такого не предлагал, я подумала, может быть, наконец спокойно посидим.

Настя подняла на неё глаза, затем снова занялась цветами. Она спросила, как поживает Зинаида Павловна, и Людмила коротко рассказала о вчерашней поездке. Дочь слуша-

ла, срезая концы стеблей, а потом осторожно заметила, что отцу тоже пора чаще навещать мать. Людмила по привычке начала объяснять, сколько у Константина дел, но остановилась на середине фразы. Сегодня она не хотела обсуждать чужую болезнь и мужскую занятость. Она попросила Настю выбрать место для букета, а сама принесла свадебную фотографию и поставила её на небольшой столик возле окна.

Петя сразу узнал дедушку, хотя заявил, что на снимке у него совсем другая голова. Настя рассмеялась, присела рядом и показала сыну молодую бабушку. Людмила некоторое время смотрела на них, затем отошла к кухне, чувствуя, что в доме стало по-настоящему празднично. Дочь с внуком разговаривали, звякнула поставленная на стол ваза, за окном негромко шумели деревья. Она вынула приготовленное блюдо, проверила, достаточно ли оно тёплое, и поправила зелень у края. Теперь оставалось дождаться Константина.

Телефон Насти зазвонил, когда Людмила ставила на стол воду. Дочь посмотрела на экран и ответила, отходя в коридор. Людмила услышала только короткое «Да, пап» и вернулась за хлебом. Петя устроился возле окна, разглядывая сад, и спросил, будут ли они после ужина гулять. Она обещала, если дедушка не устанет, и вдруг поняла, что снова заранее учитывает его настроение, хотя сам Константин об этом ещё ничего не говорил.

Настя вернулась с телефоном в руке и остановилась у дверного косяка. Цвет лица у неё изменился, губы оказались

плотно сжаты. Людмила спросила, что случилось, и дочь ответила, что отец скоро приедет. После этого она положила телефон экраном вниз и принялась поправлять Пете воротник, хотя тот лежал ровно. Людмила ещё раз посмотрела на неё, но со стороны гостевого коридора послышались шаги, и пришлось выйти ответить на короткий вопрос. Вернувшись, она увидела, что Настя уже сидит за столом и гладит ладонью край салфетки.

- Он задерживается? — спросила Людмила, ставя хлеб между приборами. Она коснулась дочериного плеча, пытаясь привлечь её внимание, и Настя подняла глаза с заметным усилием. — Что он тебе сказал? У него опять какие-нибудь дела появились?

- Сейчас будет, мам, — ответила дочь, поглядывая в сторону прихожей. Она подтянула стул ближе к столу и попросила Петю убрать рисунки, чтобы на них случайно ничего не пролили. — Ты садись пока. Всё хорошо, он уже едет.

Людмила хотела спросить, почему Настя так странно разговаривает, но в этот момент возле дома остановилась машина. Петя спрыгнул со стула и побежал к двери, радостно выкрикивая, что приехал дедушка. Людмила машинально поправила платье на талии, оглянулась на стол и пошла за внуком. На улице ещё было светло. Через стекло входной двери она увидела Константина, который открывал багажник, и женщину рядом с ним. Людмила решила, что муж привёз кого-нибудь из заказчиков, и сначала испытала только при-

вычную досаду: он ведь обещал освободить вечер.

Дверь распахнулась, Петя бросился к дедушке, и Константин на мгновение наклонился к нему, коснувшись рукой волос. Затем поднял с крыльца большой чемодан и занёс его внутрь. Второй оставался возле машины, и женщина обернулась, собираясь за ним вернуться, но муж остановил её коротким движением руки. Людмила смотрела на незнакомку и пыталась вспомнить, видела ли её прежде. Та была примерно Настиного возраста, в светлом платье, с аккуратно уложенными волосами и небольшой сумкой через плечо. Она стояла спокойно, рассматривая прихожую, словно знала, куда приехала.

- Добрый вечер, — поздоровалась Людмила, придерживая Петю за плечо, чтобы он не споткнулся о чемодан. Женщина улыбнулась ей, а Константин уже возвращался на крыльцо за второй сумкой. — Вы к нам останавливаться? Только Костя ничего не говорил, я бы приготовила комнату.

- Добрый вечер, Людмила, — ответила незнакомка, произнеся её имя без запинки. Она сняла с плеча сумку, поправила ремешок и посмотрела в сторону кухни, откуда пахло горячей едой. — Очень приятно наконец познакомиться. Константин много рассказывал о доме.

Людмила кивнула, всё ещё считая её гостьей. Она снова посмотрела на чемоданы: с такими сумками обычно приезжали надолго. Свободная комната была, однако Константин должен был хотя бы предупредить. За спиной стояла Настя, и

Людмила заметила, что дочь смотрит на женщину с каким-то напряжённым вниманием. Внук потянул дедушку за рукав, показывая рисунок, но Константин попросил его подождать и поставил второй чемодан возле лестницы. После этого он подошёл к незнакомке и легко положил ладонь ей на спину.

От этого движения Людмила замолчала. Она знала его руку, знала, как Константин касался людей: мог хлопнуть приятеля по плечу, придержать пожилую женщину за локоть, помочь гостье перенести тяжёлую сумку. Сейчас его ладонь осталась на спине молодой женщины, чуть ниже плеча, и та привычно повернулась к нему. Людмила переводила взгляд с одного на другую, всё ещё ожидая объяснения. Муж посмотрел на накрытый стол, одобрительно кивнул и спросил, всё ли готово. Она ответила, что да, хотя собственный голос показался ей слишком тихим.

- Это Дарья, — сказал Константин, подводя женщину к семейной комнате. Он произнёс имя спокойно и сразу продолжил идти, словно представления было достаточно. — Давай сначала сядем. Я вижу, ты постаралась, хорошо получилось.

Людмила пошла следом, задержавшись только для того, чтобы отодвинуть чемодан с прохода. Колёсико зацепилось за край коврика, и она наклонилась, поправляя его, чувствуя, как боль отдаёт в колено. Константин этого не заметил. Он показывал Дарье комнату, рукой обозначил буфет и окна, затем остановился возле стола. Настя взяла Петю за руку и провела к его месту. Людмила вошла последней и несколько се-

кунд стояла у двери, глядя на свои четыре тарелки.

- Костя, а вы надолго? — спросила она, подходя к столу. Ей уже было трудно продолжать говорить с Дарьей как с обычной гостьей, но никакого другого объяснения она пока не могла произнести. — Я могу после ужина показать комнату. У нас сейчас свободна та, что окнами в сад.

Константин повернулся к ней и слегка нахмурился. Он, видимо, ожидал другого вопроса или вообще не собирался отвечать на вопросы при всех. Дарья стояла возле его стула, положив пальцы на спинку, и разглядывала свадебную фотографию на маленьком столике. Людмила проследила за её взглядом, почувствовала неловкость и села на своё место. Ей хотелось, чтобы муж тоже сел, чтобы они наконец поняли, что происходит, и перестали стоять посреди приготовленного ею праздника.

Константин взял дополнительный стул, стоявший у стены, и поставил его дальше от своего места, ближе к двери кухни. Людмила машинально подвинула локоть, освобождая пространство, и только потом заметила, что муж держится за спинку её стула. Дарья ждала рядом. Константин посмотрел на жену так, как смотрел, когда просил убрать мешающую вещь или передать ему что-нибудь через стол. Он даже чуть наклонился, чтобы говорить с ней тише, и от этой привычной близости Людмила сперва не поняла сказанного.

- Подвинься, она сядет рядом, — произнёс он, указывая на принесённый стул. Его ладонь по-прежнему лежала на спин-

ке, и Людмила почувствовала лёгкое движение за плечом. — Тебе здесь тоже удобно будет. Ты всё равно ближе к кухне постоянно ходишь.

Она посмотрела на дополнительный стул, затем на свой прибор. Салфетка лежала слева, вилка была аккуратно выровнена, возле тарелки стоял стакан, который она всегда выбирала для себя. Константин протянул руку, собираясь передвинуть всё это дальше, и Людмила положила ладонь на край тарелки. Муж остановился. Некоторое время они смотрели друг на друга, и она с удивлением заметила, что он сердится из-за её заминки. Дарья осталась стоять возле него, слегка придерживая сумку обеими руками.

- Почему она должна сидеть на моём месте? — спросила Людмила, поднимая глаза на мужа. Она говорила достаточно тихо, чтобы Петя продолжал перебирать рядом свои рисунки, но Настя уже смотрела прямо на неё. — Костя, кто эта женщина? Объясни мне сейчас.

Константин выпрямился и убрал руку со спинки. Он провёл ладонью по подбородку, оглянулся на дочь и снова повернулся к Людмиле. На его лице появилось выражение усталого терпения, которое она хорошо знала по разговорам о работе и свекрови. Обычно после такого взгляда Людмила начинала объяснять, что поняла его правильно и только хочет уточнить. Сейчас она продолжала держать тарелку, ожидая ответа. Дарья стояла рядом с мужем, и ни один из них не пытался отойти друг от друга.

- Дарья моя жена, Люда, — сказал Константин. Он произнёс это ровно, без паузы, и сразу положил руку молодой женщине на плечо. — Я хотел спокойно рассказать вам сегодня. Мы теперь будем жить вместе.

Людмила услышала, как Настя резко вдохнула. Петя поднял голову, посмотрел сначала на дедушку, потом на незнакомую женщину и повернулся к матери, ожидая пояснения. У Людмилы под пальцами скользнула тарелка; она прижала её сильнее, чтобы та не съехала на край. Слова мужа были достаточно ясными, но соединить их с тем, что она видела перед собой, пока не получалось. Он стоял в рубашке, которую она гладила несколько дней назад, возле стола, приготовленного на их годовщину, и называл другую женщину своей женой.

- Ты женился? — переспросила Людмила, медленно убирая руку с тарелки. Она посмотрела на его обручальное кольцо, на знакомый светлый след у костяшки и снова подняла глаза к лицу. — Когда ты успел? Мы с тобой сегодня тридцать лет как в браке, Костя. Ты помнишь, зачем мы здесь собрались?

- Помню, конечно, — ответил Константин, и в голосе его появилось раздражение. Он подтянул свой стул и положил ладонь на стол, будто собирался приступить к давно подготовленному разговору. — Несколько месяцев назад я принял ислам. У нас с Дарьей был никах, религиозный брак. Я тебя не бросаю, ты остаёшься моей женой. Просто теперь вас

двое, и я хочу, чтобы вы познакомились нормально.

Дарья села на освобождаемое для неё место лишь наполовину, продолжая смотреть на Константина, словно ожидала, что он закончит объяснение. Людмила осталась на своём стуле и почувствовала, как его край упирается в соседний. Муж опять взглянул на неё, затем на принесённый дополнительный стул. Она заметила это движение, но больше не смогла заставить себя подняться. За окном кто-то из гостей прошёл по дорожке, негромко разговаривая; в кухне щёлкнул нагреватель, и знакомые домашние звуки продолжали раздаваться с прежней размеренностью. Людмила повернулась к дочери, потому что ей необходимо было увидеть лицо человека, который тоже услышал сказанное.

- Настя, — позвала она, и дочь сразу опустила глаза. Людмила подалась к ней через стол, стараясь понять, почему та молчит и с такой силой сжимает лежащую на коленях салфетку. — Ты слышала? Папа говорит, что он женился. Ты понимаешь, о чём он сейчас говорит?

Константин ответил раньше дочери. Он чуть отодвинул стакан, освобождая место возле Дарьи, и посмотрел на Людмилу с тем же нетерпеливым спокойствием, с каким весь день напоминал ей о торте, одежде и внимании к его матери. Настя подняла голову, но слова не произнесла. Муж кивнул в её сторону и сообщил, что она уже знает о его решении. Людмила смотрела на дочь, ожидая возражения, а та отвела взгляд к Пете и торопливо поправила ему рукав, оставив во-

прос матери без ответа.

Глава 2. Принеси ей тарелку

Настя продолжала поправлять Пете рукав, хотя ткань уже лежала ровно. Мальчик попытался высвободить руку и потянулся к лежавшему возле его тарелки рисунку, но мать придержала его за запястье. Людмила смотрела на них, ожидая, что дочь всё-таки ответит. За столом стало так тихо, что было слышно, как Константин передвигает стакан по скатерти. Он освобождал место перед Дарьей и делал это неторопливо, словно самое трудное уже осталось позади.

Людмила поднялась со стула. Возле локтя стояло блюдо с запечённым мясом, которое она принесла перед самым появлением мужа, и она взяла его за края, чтобы поставить на середину стола. Это привычное движение позволило ей хотя бы отвести глаза от дочери. Блюдо было ещё горячим, пальцы неприятно жгло, но Людмила держала его, пока Константин придвигал освободившийся стул ближе к себе. Дарья пересела на него, поправила подол платья и убрала сумочку с колен на соседний стул — тот, который он принёс для жены.

- Люда, принеси ей тарелку, — попросил Константин и кивнул в сторону буфета. Он посмотрел на блюдо в её руках и добавил уже с лёгким недовольством: — Поставь мясо, пока не остыло. Ты весь день готовила, теперь сама же стоишь и держишь.

Людмила поставила блюдо перед ним. Край зацепился за

складку скатерти, и немного сока выплеснулось на белую ткань. Обычно она тут же промокнула бы пятно салфеткой, но сейчас даже не потянулась за ней. Константин проводил взглядом её руки, а потом снова посмотрел на буфет, ожидая, что она выполнит его просьбу. От этого ожидания стало хуже, чем от первых слов о другой жене. Он уже усадил Дарью на её место и теперь хотел, чтобы Людмила сама закончила устраивать ей удобный вечер.

- Сначала ты объяснишь, что здесь происходит, — сказала она, опираясь ладонями о край стола. Голос звучал глухо, и ей пришлось сглотнуть, прежде чем продолжить. — Когда это началось, Костя? Ты сегодня привёл её сюда, а познакомился с ней когда?

Константин откинулся на спинку стула и коротко вздохнул. Людмила хорошо знала этот вздох: так он реагировал, когда она возвращалась к вопросу, который сам уже считал решённым. Раньше она старалась подобрать другие слова, чтобы он не раздражался, и нередко вовсе прекращала разговор. Сейчас она осталась стоять перед ним. Дарья положила руку на стол рядом с его локтем, и муж взглянул на неё, прежде чем ответить.

- Почти год назад, — произнёс он. Сказав это, Константин взял салфетку и расправил её на коленях, словно сообщённый срок не требовал никаких пояснений. — Даша занимается праздниками, привозила к нам людей. Ты её видела, просто не запомнила. Мы сначала по работе общались.

Людмила посмотрела на Дарью внимательнее. Лицо действительно показалось знакомым, и через несколько секунд она вспомнила женщину с папкой, которая прошлым летом приехала раньше остальных гостей и просила переставить столы на веранде. Тогда ожидалась большая компания на день рождения. Людмила помогала разложить салфетки, нашла удлинитель для музыки, а после принесла организатору чай, потому что та с утра ничего не ела. Константин в тот день несколько раз подходил к ним и сам предложил проводить женщину до машины. Людмила обрадовалась, что он включился в работу и ей не придётся разрываться между кухней и приехавшими гостями.

- Это вы были летом на веранде? — спросила она, обращаясь к Дарье. Та кивнула и убрала руку от локтя Константина, но взгляд отвела лишь на мгновение. — Я вам ещё чай приносила. Вы говорили, что у нас очень уютно и вам хочется снова сюда приехать.

- Я помню, — ответила Дарья. Она чуть выпрямилась, словно решила, что дальнейшее молчание выглядит хуже любого объяснения. — У вас хороший дом, Людмила. Но я тогда действительно приехала работать, и между нами ещё ничего не было.

Людмила не стала спрашивать, после какого именно заезда всё изменилось. В памяти всплывали другие приезды, звонки мужа, его внезапная готовность встречать очередную компанию и раздражение, если она задерживалась возле него

с хозяйственным вопросом. Всё это было частью их обычной жизни, в которой она думала о белье, продуктах и людях, ожидавших заселения. Теперь приходилось заново вспоминать те же дни и понимать, что рядом с ней происходило другое. От такой необходимости её охватила растерянность: почти целый год нельзя было проверить сразу, а Константин сидел перед ней и явно не собирался помогать.

- И всё это время ты мне врал? — Людмила перевела взгляд на мужа и заметила, как он поджал губы. Она продолжила, пока он не успел перебить: — Когда говорил, что задержишься по делам, что надо встретиться, что люди могут только вечером… Ты с ней встречался?

- Иногда с ней, — ответил Константин. Он потянулся к кувшину, налил себе воды и лишь после этого посмотрел на жену. — Не надо теперь каждую мою поездку выворачивать. Я и работал тоже, если ты забыла. Даша появилась в моей жизни постепенно, никто заранее ничего такого не планировал.

Дарья слушала с тем выражением, с каким ждут, когда собеседник наконец перейдёт к главному. Людмила заметила, что молодая женщина не удивилась ни сроку, ни словам о встречах. Она знала эту историю, обсуждала её с Константином и теперь сидела в доме, о котором они, вероятно, тоже успели поговорить. Людмиле хотелось задать сразу десяток вопросов, но она заставила себя выбрать один. Иначе муж снова скажет, что она мечется и с ней невозможно разгова-

ривать.

- А женились вы когда? — спросила она. Пальцы всё ещё лежали на краю стола, и Людмила убрала их, почувствовав, что слишком сильно давит на дерево. — Ты сказал, несколько месяцев назад. Я правильно услышала?

- Правильно, — подтвердил Константин и пригладил ладонью скатерть возле своего стакана. Он говорил всё тем же ровным голосом, от которого Людмиле уже хотелось отойти подальше. — Мы решили, что надо придать отношениям определённость. Даша не хотела постоянно ждать, пока у меня появится свободный час. Ей нужна семья, и я это понимаю.

Людмила медленно выпрямилась. Ей хотелось спросить, что, по его мнению, нужно было ей самой в те месяцы, когда он едва отвечал на вопросы и выходил из комнаты с телефоном. Она несколько раз пыталась заговорить о них двоих, предлагала съездить хотя бы на день куда-нибудь вместе, но он ссылался на усталость и дела. После таких разговоров ей становилось стыдно за собственную настойчивость. Теперь выяснялось, что время для другой женщины находилось, а определённость её жизни муж устроил без всяких обсуждений.

- Ты мог сказать мне, что у тебя другая женщина, — произнесла Людмила. Она посмотрела на него прямо, хотя держать этот взгляд было трудно. — Мог объяснить, что хочешь уйти. Зачем ты предложил сегодня собраться? Зачем я гото-

вила этот ужин, Костя?

- Потому что у нас годовщина, — ответил он и развёл руками. Константин посмотрел на Настю, словно рассчитывал, что дочь подтвердит очевидное. — Тридцать лет никто не отменяет, Люда. Я не собираюсь перечёркивать нашу жизнь и уходить от тебя. Именно поэтому я привёл Дашу сюда, чтобы мы познакомились и перестали скрываться.

Петя поднял голову от рисунка. Он переводил взгляд с дедушки на незнакомую женщину и явно пытался понять, почему взрослые так долго разговаривают, а к ужину никто не приступает. Людмила увидела, как у мальчика вытянулось лицо, и только теперь вспомнила, что он всё это время находился рядом. Она хотела сказать ему что-нибудь обычное, спросить о дороге или предложить поесть, но Настя уже отодвинула стул. Подхватив рисунок, дочь наклонилась к сыну и стала собирать его карандаши.

- Пойдём пока в маленькую гостиную, я тебе мультик включу, — сказала она Пете и взяла его за руку. Мальчик оглянулся на бабушку, но Настя мягко повернула его к двери. Проходя мимо матери, она задержалась и понизила голос: — Мам, пожалуйста, говори тише. Он же всё слышит.

Людмила повернула к ней лицо. Она не кричала, хотя собственный голос казался ей непривычным и слишком резким для праздничной комнаты. Дочь просила её успокоиться, а отец оставался на своём месте рядом с Дарьей и даже не пытался убрать руку с её спинки стула. Людмила понимала, что

Петю надо вывести, но всё равно ждала от Насти хотя бы нескольких слов, обращённых к Константину. Дочь потянула мальчика за собой, и Людмила услышала, как в соседней комнате включился телевизор.

- Вот теперь можно нормально поговорить, — заметил Константин, проводив их взглядом. Он подвинул к себе блюдо и взял лежавшую рядом большую вилку, но Людмила придержала край посуды. Муж поднял на неё глаза и нахмурился. — Что опять? Я же отвечаю на твои вопросы.

- Я ещё не закончила, — сказала она и отпустила блюдо. Смотреть, как он будет накладывать себе ужин, она сейчас не могла. — Ты сказал про религию. Откуда всё это взялось? Мы с тобой тридцать лет прожили, ты мне ни разу не говорил, что собираешься что-то менять.

Константин положил вилку возле тарелки. На этот раз он говорил дольше, упоминая знакомых Дарьи, встречи и разговоры, после которых многое в его жизни стало ему понятнее. Людмила слушала, пытаясь найти в этих пояснениях хотя бы то, что касалось её самой. Муж рассказывал, как пришёл к своему решению, но ни разу не сказал, почему скрыл его от жены. Когда она спросила об этом, он снова вздохнул и ответил, что заранее ожидал именно такой реакции.

- Я знал, что ты начнёшь спорить, — продолжил Константин. Он подался вперёд и заговорил чуть мягче, как обычно делал, когда хотел убедить её принять уже готовое решение. — Сейчас ты всё видишь через обиду. Потом поймёшь, что

я сохраняю нашу семью. У тебя останется дом, привычная жизнь, я буду рядом. Я от своих обязанностей не отказываюсь.

Людмила посмотрела на принесённый для неё стул возле кухонной двери. На нём лежала сумочка Дарьи, и мужу пока не пришло в голову её убрать. Обещая жене прежнюю жизнь, он даже не замечал, что уже распорядился её местом за столом. Людмила почувствовала сухость во рту и отошла к двери. Она сказала, что возьмёт воды, хотя кувшин стоял перед Константином, и вышла в кухню, где могла хотя бы на минуту перестать смотреть на них.

В кухне пахло печёными овощами и ванилью. На рабочем столе оставалась коробка с тортом, которую Людмила не убрала в холодильник, потому что собиралась через час подавать чай. Она налила воду из фильтра, выпила несколько глотков и поставила стакан возле коробки. Руки дрожали, и стекло ударилось о стол громче, чем она ожидала. Людмила прижала ладонь к животу и постояла так, пока за спиной не послышались шаги дочери.

- Он мне позвонил перед самым приездом, — начала Настя, прикрывая дверь. Она осталась возле порога и держала телефон обеими руками, словно могла показать матери всё, что произошло. — Я до этого ничего не знала, мам. Он сказал, что вы уже поговорили и ты согласилась. Сказал, что сегодня просто познакомишься с ней.

Людмила повернулась к дочери. Теперь Настя смотрела

на неё, и в её лице было столько растерянности, что сомневаться в сказанном почти не приходилось. Но от этого не становилось легче. Получалось, отец успел подготовить дочь к своему появлению, а Людмиле оставил несколько минут за праздничным столом, чтобы разобраться со всем самой. Она вспомнила, как Настя вернулась после звонка, поправляла воротник и отвечала, что всё хорошо.

- Почему ты мне не сказала? — спросила Людмила. Она взяла стакан, но пить не стала и снова поставила его на стол. — Ты вошла сюда, видела меня. Я тебе про ужин говорила, про папу спрашивала. Разве было похоже, что я жду какую-то его жену?

- Я сама не поняла, — ответила Настя и быстро потёрла ладонью лоб. Она сделала шаг к матери, но остановилась, когда Людмила подняла на неё глаза. — Он говорил так спокойно, будто это давно решённый вопрос. Я ещё спросила, действительно ли ты согласна. Он сказал, что да, просто тебе сегодня будет тяжело и лучше лишний раз не начинать разговор.

Людмила прислонилась бедром к столу. Константин предусмотрел даже её возможную обиду и объяснил дочери, как следует с ней обращаться. Если она будет молчать, это можно принять за согласие; если станет возражать, близкие уже предупреждены, что ей тяжело и лучше дать время. Людмила посмотрела на Настин телефон, на светлые костяшки пальцев и почувствовала, как к боли от предательства му-

жа прибавляется другая. Дочь находилась рядом, но в самые первые минуты она тоже обращалась с матерью так, как ей велел отец.

- Я тебя спросила за столом, — напомнила Людмила. Она говорила медленно, стараясь не сбиться и не начать плакать раньше, чем скажет всё нужное. — Ты уже видела, что я ничего не знаю. Могла сказать ему, что он тебя обманул. Я ждала, Настя.

- Мам, я испугалась, — призналась дочь. Она опустила телефон в карман и наконец подошла ближе. — Ты так смотрела на меня, папа сидел с этой женщиной, Петя рядом… Я думала только о том, как его вывести, чтобы он не начал спрашивать. Я не знала, что сказать.

Настя положила руку ей на плечо. Людмила не отстранилась, но и не придвинулась к дочери, как сделала бы ещё час назад. Ей хотелось опереться на эту руку, попросить остаться, подтвердить вслух, что происходящее нельзя принять спокойно. Вместо этого она слышала, как за стеной разговаривают Константин с Дарьей и как в маленькой гостиной смеётся персонаж мультфильма. Все продолжали что-то делать, и только она стояла в кухне рядом с тортом, заказанным к тридцатой годовщине собственной свадьбы.

- Давай сегодня не будем дальше ругаться, — осторожно предложила Настя. Она провела ладонью по материнскому плечу и заглянула ей в лицо. — Сейчас всё равно никто никого не услышит. Можно завтра поговорить, когда вы успо-

коитесь. Я позвоню тебе утром, или приеду, если получится.

Людмила убрала стакан подальше от края. Настя предлагала перенести разговор так, словно все его участники находились в одинаковом положении и одинаково нуждались в передышке. Константин уже привёз женщину с чемоданами, а завтра она проснётся в этом доме. Людмиле оставалось молча допустить это сегодня и потом объяснять, почему она не согласна. Она посмотрела на дочь и увидела, что та ждёт разрешения считать вечер хотя бы временно завершённым.

- А что будет до завтра? — спросила Людмила. Она положила ладонь на коробку с тортом, удерживая себя возле стола. — Они останутся здесь, Настя. Ты поедешь домой, а я останусь с ними. Ты понимаешь это?

Дочь раскрыла рот, собираясь ответить, но дверь открылась. Константин вошёл в кухню и сразу посмотрел на них обеих, задержавшись взглядом на Настиной руке. Он явно слышал последние слова или догадался по лицам, о чём идёт разговор. Людмила почувствовала, как дочь убирает ладонь с её плеча, и не стала её удерживать. Муж подошёл к столу, увидел коробку с тортом и отодвинул её, освобождая себе место.

- Настя, не надо сейчас подливать масла, — сказал он. Константин остановился напротив жены, оставив дочери место между собой и дверью. — У мамы первая реакция, она ревнует. Я же предупреждал, что ей нужно время. Дайте ей спокойно привыкнуть, и мы сами во всём разберёмся.

- Пап, ты сказал, что мама согласилась, — возразила Настя. Она говорила негромко, но на этот раз смотрела прямо на него. Константин нахмурился, и дочь поспешила продолжить: — Я тебя специально об этом спросила. Она ничего не знала.

- Я сказал, что мы взрослые люди и договоримся, — ответил он. Людмила увидела, как Настя снова берётся за телефон в кармане, словно ищет там подтверждение собственным словам. Муж заметил это движение и добавил: — Не надо сейчас выяснять, кто какое слово услышал. Ты видишь, в каком мама состоянии.

- Я хорошо слышала, что ты сказал здесь, — вмешалась Людмила. Она отступила от стола, чтобы он не мог придвинуться к ней ещё ближе. — Ты привёл женщину и объявил, что мы будем жить вместе. Моего согласия ты не спрашивал. И я тебе его не давала.

Константин потёр переносицу. Он редко сталкивался с тем, что Людмила повторяла возражение после его объяснений, и теперь смотрел на неё с открытым раздражением. Ей стало страшно от собственной непривычной настойчивости, но отступать было уже некуда. Если она сейчас позволит назвать всё сказанное ревностью, ему останется лишь дождаться, когда она перестанет сердиться. Людмила заставила себя выдержать паузу и не стала добавлять слов, которыми раньше смягчала отказ.

- Ты пока не представляешь, как это будет устроено, —

сказал Константин после короткого молчания. Он убрал руку от лица и снова попытался говорить спокойно. — Даша сможет помогать, тебе станет легче. Ты сама всё время жалуешься, что устаёшь и ничего не успеваешь. Будет ещё один человек в доме, часть забот можно разделить.

Людмила вспомнила несколько разговоров, в которых просила мужа взять на себя обычные дела: встретить доставку, поговорить с гостями, отвезти его мать на приём. Она не считала это жалобами и тем более не просила приводить в дом другую женщину. Константин тогда объяснял, почему занят, а теперь использовал её усталость как довод в пользу своего решения. Настя смотрела то на отца, то на мать, но больше не вмешивалась. Из столовой послышался лёгкий шум, и в дверях появилась Дарья.

- Я могу заниматься праздниками и оформлением, — сказала она, остановившись за спиной Константина. Дарья держала сумочку перед собой и, видимо, уже забрала её со стула. — У вас это пока не очень развито, а люди спрашивают. Можно красиво делать небольшие торжества, ужины на веранде. Я в этом разбираюсь.

Людмила посмотрела на молодую женщину, которая уже успела оценить недостатки её работы. Небольшие торжества действительно проводили, когда позволяли силы и занятость дома, но сейчас объяснять это было бессмысленно. Дарья говорила о будущем так, будто её участие уже согласовано и оставалось лишь определить обязанности. Людмила переве-

ла взгляд на мужа и увидела, что он доволен предложением. Для него это было удобным подтверждением: он привёл в дом человека, который якобы сразу собирался приносить пользу.

- А кто будет заниматься всем остальным? — спросила Людмила. Она говорила с Константином, хотя Дарья оставалась в дверях и внимательно слушала. — Завтра у нас выезжает одна семья и приезжает другая. Надо проверить комнаты, принять продукты, рассчитаться за то, что заказано. Это теперь кто будет делать?

- Ты, как и раньше, — ответил он, не заметив сразу, к чему она ведёт. Муж пожал плечами и добавил: — Ты знаешь, как здесь всё устроено. Даше сначала освоиться надо, она только переехала. Никто не собирается за один день переделывать твою работу.

- А твою маму на приём во вторник кто повезёт? — продолжила Людмила. Она заметила, как Константин поворачивает голову к Насте, но тут же возвращает взгляд к жене. — Лекарства ей кто отвезёт? Ты сегодня опять напоминал мне, что надо позвонить и всё проверить.

- Люда, мама при чём? — В его голосе впервые прозвучала настоящая досада. Константин упёрся ладонью в стол и заговорил быстрее: — Она к тебе привыкла, ты сама записывала её к врачу. Сейчас ещё и с ней всё менять? Даша её толком не знает, и я не понимаю, зачем ты сюда приплетаешь больного человека.

Людмила отвела взгляд к окну. За стеклом стояли горшки с рассадой, которую она собиралась утром вынести на веранду. Завтра ей по-прежнему предстояло встать раньше всех, решить вопросы с гостями и позвонить свекрови. Константин только что подтвердил это, почти не задумываясь. Обещанное облегчение пока состояло из Дарьиных идей, а все ежедневные дела оставались на ней. Даже ближайшую поездку к врачу муж не захотел взять на себя, хотя говорил, что ничего не меняется и от своих обязанностей он не отказывается.

- Ты обещаешь, что мне станет легче, а потом перечисляешь всё, что я должна делать дальше, — сказала Людмила, снова посмотрев на него. Она почувствовала, что голос становится твёрже, и на этот раз не испугалась этого. — Ты решил, как вы будете жить. Для меня у тебя осталось только прежнее хозяйство.

- У тебя остаётся положение хозяйки, — возразил Константин. Он выпрямился, словно нашёл наконец нужные слова. — Никто тебя не отодвигает. Я прямо говорю, что ты здесь всё знаешь и умеешь. Зачем ты сама превращаешь это в унижение?

Людмила посмотрела мимо него, в открытую дверь столовой. С её места за столом была видна только часть спинки, а Дарья уже сидела там несколько минут, пока муж предлагал принести ей посуду. Он успел отодвинуть жену, не получив её согласия, и теперь требовал признать, что ничего подоб-

ного не произошло. Людмила устала спорить с каждой новой формулировкой. Ей хотелось вернуться к простому вопросу, от которого Константин уходил с самого начала.

- Ты знал, что я на это не соглашусь? — спросила она. Муж отвёл взгляд, но Людмила продолжила, обращаясь уже к Дарье: — А вы знали, что со мной не разговаривали? Вы ведь ехали сюда с чемоданами. Что вам сказали?

Дарья крепче сжала ручку сумочки. Она взглянула на Константина, ожидая, что он ответит, но тот молчал. Тогда молодая женщина расправила плечи и посмотрела на Людмилу с заметным усилием. В её лице появилось недовольство, которого раньше не было. Людмила понимала, что Дарье не нравится необходимость объясняться перед первой женой, но больше не собиралась облегчать ей этот разговор.

- Он сказал, что всё устроит, — ответила Дарья. Она провела пальцем по застёжке сумки и опустила руку. — Я знала, что вы можете обидеться. Но Константин взрослый человек, он сам решает, как ему жить. Я тоже не хочу всю жизнь оставаться женщиной, с которой встречаются украдкой.

- И поэтому вы приехали жить в мой дом, — произнесла Людмила. Она посмотрела на мужа, который сразу нахмурился при слове «мой». — Ты решил, что я постою, поплачу и принесу вам ужин? Или у тебя был какой-то другой расчёт?

- Не надо говорить так, будто я тебя выгоняю, — резко ответил Константин. Он сделал шаг к двери и жестом предложил всем вернуться в столовую. — Мы уже сколько времени

стоим на кухне. Настя приехала на нашу годовщину, ребёнок сидит один. Давай хотя бы сегодня без этих крайностей.

Людмила прошла мимо него. Ей надоело находиться в тесной кухне, где муж занимал место возле стола, а Дарья стояла в дверях и невольно заставляла ждать, пока она отступит. В столовой ничего не изменилось: четыре тарелки, остывающее мясо, салаты и маленькая вилка для Пети. На столике у окна стояла свадебная фотография, которую Людмила так и не успела подарить. Она задержала на ней взгляд, но не подошла, потому что Константин снова уселся во главе стола.

- Даша, садись, — сказал он, придерживая стул рядом с собой. Дарья поставила сумочку на пол у своих ног и подчинилась, хотя теперь уже не выглядела уверенной в удачном начале вечера. Константин повернулся к жене и добавил: — Люда, я всё-таки прошу тебя принести тарелку. Она весь день на ногах и почти ничего не ела.

Людмила осталась стоять. Она знала, какую тарелку надо взять: из той же стопки в буфете, с такой же тонкой каймой, как у остальных. До буфета было несколько шагов, и Константин тоже прекрасно знал, где находится посуда. Обычно она выполняла подобные просьбы ещё до того, как успевала обдумать, кто мог сделать это сам. Сейчас Людмила смотрела на мужа и видела, что он ждёт именно привычного движения, после которого ужин всё-таки начнётся.

- Возьми её сам, — сказала она. Константин поднял брови, и Людмила продолжила, чтобы он не мог принять её слова

за минутную обиду. — Я не буду накрывать для вас стол и обслуживать вас двоих. И жить с вами вместе я не согласна. Ты это услышал?

Муж некоторое время смотрел на неё, а затем поднялся. Он открыл буфет слишком резко, и дверца стукнула об ограничитель. Взял тарелку, ещё одну вилку и положил перед Дарьей. Людмила ожидала, что он снова начнёт уговаривать или сердиться, но Константин только сдвинул к молодой женщине салат. От того, как быстро он приспособился к её отказу и продолжил ужин, стало тяжело дышать.

- Ты обещал, что всё будет спокойно, — сказала Дарья мужу, когда он вернулся на место. Она говорила негромко, но в комнате было достаточно тихо, чтобы Людмила услышала каждое слово. Дарья посмотрела на пустую тарелку и добавила: — Я спрашивала тебя, поговорил ли ты с ней. Ты сказал, что сам всё решишь.

- Я и решаю, — ответил Константин, накладывая ей мясо. Он не посмотрел на Людмилу, словно она больше не участвовала в разговоре. — Просто людям надо время. Не начинай теперь и ты.

Настя стояла возле двери, ведущей в маленькую гостиную. Услышав последние слова отца, она оглянулась туда, где оставила сына, и сказала, что им пора домой. Людмила посмотрела на часы: раньше в такие вечера дочь оставалась до чая, а Петя успевал устать и засыпал у неё на диване. Сегодня никто даже не снял плёнку с салата, который мальчик

любил. Настя взяла со стола его рисунок и сложила карандаши в коробку, стараясь не смотреть на Дарью.

- Он голодный, я дома его покормлю, — объяснила дочь, заметив материнский взгляд. Она подождала, словно надеялась, что Людмила предложит что-нибудь простое и поможет закончить вечер без дальнейшего разговора. Потом добавила: — Мам, ты можешь поехать с нами. Сегодня побудешь у меня, а утром я тебя привезу.

Людмила покачала головой. Ей было нужно выйти из этой комнаты, но мысль уехать сейчас вместе с дочерью испугала ещё сильнее. Константин останется здесь с Дарьей, откроет шкафы, покажет ей дом и устроится так, словно Людмила сама уступила им всё пространство. Кроме того, утром её действительно ждали дела, о которых муж только что напомнил. Она не знала, где проведёт ночь, но принимать решение под его нетерпеливым взглядом не хотела.

- Я пока останусь, — ответила она. Людмила прошла в кухню и взяла пакет с ягодными пирожными, которые купила для Пети. Вернувшись, она протянула его дочери и пояснила: — Это ему. Я специально взяла, чтобы ему не пришлось ждать торт.

Настя приняла пакет и прижала его к коробке с карандашами. Она тихо поблагодарила и снова посмотрела на мать, но ничего не сказала. Людмила увидела, что дочь близка к слезам, и почувствовала привычное желание утешить её, заверить, что всё обойдётся. Раньше она сделала бы это почти

сразу. Сейчас такие слова означали бы, что и этот вечер можно оставить ей одной, а дочь отпустить с облегчением. Людмила повернулась к двери и позвала Петю.

Мальчик вышел с недовольным лицом, потому что мультфильм ещё не закончился. Увидев пакет в материнских руках, он спросил, едут ли они домой, а потом оглянулся на стол. Людмила присела перед ним, придерживаясь за спинку стула, чтобы не перенести весь вес на больное колено. Петя сразу обнял её за шею. Она почувствовала тепло его щеки и на несколько секунд прижала внука к себе крепче, чем собиралась.

- А торт мы есть не будем? — спросил он, чуть отстранившись. Петя попытался заглянуть в кухню и добавил с надеждой: — Я могу ещё подождать, бабуль. Я только пирожное сначала съем.

- Сегодня заберёшь пирожные с собой, — ответила Людмила, поправляя ему воротник. Она провела ладонью по его волосам и заставила себя говорить ровно. — А чай мы с тобой попьём в другой день. Ты мне тогда расскажешь, что у тебя в садике, хорошо?

Петя согласился, хотя по его лицу было видно, что такое завершение праздника ему не нравится. Он забрал у матери рисунок и ещё раз протянул бабушке, напоминая, что это подарок. Людмила взяла лист и осторожно положила его на столик возле свадебной фотографии. Мальчик подошёл к дедушке, чтобы попрощаться, и Константин погладил его

по голове. Людмила заметила, как Дарья отодвигает тарелку, освобождая ребёнку место, и снова ощутила себя лишней в сцене, которую муж устраивал без её участия.

- Уже уходите? — спросил Константин у дочери. Он посмотрел на часы и нахмурился с таким видом, словно Настя неожиданно нарушила обычный порядок. — Мы ведь толком не посидели. Можно было и поужинать сначала.

- Мы поедем, пап, — ответила она. Настя взяла Петю за плечо и развернула к прихожей, но сама задержалась возле двери. — Я не хочу, чтобы он ещё что-нибудь слышал. И мама тебе уже сказала, что не согласна. Ты хотя бы сейчас перестань делать вид, будто всё в порядке.

Константин опустил взгляд на свою тарелку. Людмила услышала дочерины слова и почувствовала короткое облегчение, которое почти сразу прошло. Ей было важно, что Настя наконец произнесла это вслух, но отец явно не собирался прислушиваться. Он положил вилку и встал, словно решил завершить спор действием. Проходя мимо жены, муж не посмотрел на неё и направился к чемоданам возле лестницы.

Людмила пошла следом. В прихожей Настя помогала Пете надеть куртку, хотя на улице было тепло и мальчик пытался обойтись без неё. Константин выдвинул ручку большого чемодана, но, посмотрев на ступени, убрал её обратно и взял багаж за боковую ручку. Второй чемодан он поставил ближе к лестнице, приготовив для следующего подъёма. Всё выглядело заранее продуманным, и Людмила остановилась рядом

с ним, не позволяя пройти сразу.

- Куда ты это несёшь? — спросила она. Муж поправил хват и посмотрел вверх, будто ответ был очевиден. Людмила не отступила и повторила уже громче: — Костя, я тебя спрашиваю. Куда ты собираешься положить её вещи?

- Наверх, в спальню, — ответил он. Константин посмотрел на дочь, которая замерла с Петиной курткой в руках, а затем снова перевёл взгляд на жену. — Люда, не надо устраивать ещё и это. Я обо всём позаботился.

Людмила знала, какую спальню он имеет в виду. В свободных гостевых комнатах стояли одинаковые кровати и тумбочки, а их комната находилась в конце верхнего коридора, окнами в сад. Там утром она выбирала серьги, доставала платье и смотрела в зеркало, пытаясь решить, стоит ли уложить волосы по-другому. Константин был рядом, слышал её вопросы и уже знал, кого приведёт вечером. Теперь он держал чужой чемодан и ждал, когда она освободит ему проход.

- В нашем доме есть свободная комната, — сказала Людмила. Она почувствовала, что пальцы сжимаются, и разжала их, упираясь ладонью в перила. — Если ты решил остаться с ней сегодня, не смей нести её вещи в нашу спальню. Я тебе не разрешала распоряжаться ею.

- Я не буду селить Дашу как постоялицу, — ответил Константин. Он говорил тише, но от этого в его голосе стало больше жёсткости. — Она моя жена, я тебе уже объяснил. Сейчас ты злишься и хочешь сделать больно всем вокруг.

Утром поговорим ещё раз.

Он повернулся боком и прошёл между Людмилой и стеной. Чемодан задел перила, на дереве остался светлый след, и муж коротко выругался себе под нос, недовольный неудобством. Людмила отступила только потому, что не хотела оказаться у него под ногами на лестнице. Она смотрела, как он поднимается, и ждала, что хотя бы возле верхней площадки остановится. Константин дошёл до коридора, повернул в знакомую сторону, и через несколько секунд послышался звук открываемой двери.

Настя подошла к матери и взяла её за руку. На этот раз Людмила не смогла сдержать дрожь, и дочь почувствовала её. Петя стоял у входной двери, возился с молнией и поглядывал на взрослых, ожидая, когда можно будет выйти. Дарья появилась в прихожей уже с сумочкой на плече. Она остановилась возле второго чемодана и посмотрела вверх, не обращаясь к Людмиле.

- Поедем со мной, мам, — ещё раз попросила Настя. Она сжала материнскую руку и приблизилась, чтобы Петя не услышал следующего. — Я не знаю, что сейчас делать, но ты можешь поехать. Тебе не обязательно здесь оставаться.

- Не решай за меня хотя бы это, — тихо ответила Людмила. Она увидела, как дочь отдёрнула голову, и смягчила голос, не меняя сказанного. — Ты поезжай с Петей. Я сейчас не могу думать о вас тоже. Мне надо самой понять, что делать.

Настя отпустила её руку, но сразу обняла. Людмила стояла

неподвижно, чувствуя у щеки дочерины волосы и знакомый запах её шампуня. Она любила Настю, понимала её страх и всё же не могла притвориться, что нескольких слов в прихожей достаточно. Когда дочь отстранилась, Людмила поправила ей выбившуюся прядь, как делала много раз прежде. Настя пообещала позвонить, взяла Петю за руку и открыла дверь.

Константин спустился за вторым чемоданом, когда они уже выходили на крыльцо. Он окликнул внука, напомнил, что тот может приехать на выходных, и помахал дочери. Настя ответила коротким кивком, не возвращаясь. Людмила задержалась на пороге и смотрела, как они идут к машине, как Петя забирается на заднее сиденье и показывает ей через стекло ладонь. Она подняла руку в ответ и дождалась, пока дочь выедет за ворота.

Когда Людмила вернулась в прихожую, Дарья уже стояла на первой ступени. Константин поднимал второй чемодан и что-то негромко объяснял ей про ванную наверху. Молодая женщина выслушала его, кивнула и пошла следом, держась за перила. Никто больше не предлагал Людмиле сесть, поесть или поговорить. Муж посчитал, что сказал достаточно, и теперь занимался устройством той, ради которой всё это затеял.

Людмила прошла в столовую. На столе оставались нетронутая тарелка дочери и маленькая вилка Пети, а возле мужского прибора стояла новая тарелка со следами соуса. Она

подошла к столику у окна и взяла свадебную фотографию, которую весь день собиралась вручить Константину. Под стеклом они улыбались друг другу, и Людмила помнила тот день слишком хорошо, чтобы сейчас смотреть на него долго. Она прижала рамку к груди, услышала, как наверху снова открылась дверь их спальни, и осталась стоять у окна, не возвращаясь к остывшему ужину.

Глава 3. Чемоданы в моей спальне

Людмила ещё некоторое время стояла у окна, прижимая рамку к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.